

Г.С. Батыгин

ПРОФЕССИОНАЛЫ В РАСКОЛДОВАННОМ МИРЕ¹

Первоначальный смысл слова «профессия» заключается в открытом заявлении о принятии монашеского обета. «Профессия» начинается, таким образом, с ритуала, сценарий которого напоминает уход от мира в жизнь бесконечную. Предыдущая жизнь становится смутной и расплывчатой, взамен же приобретается право на профессиональное послушание. До того, как Новое время разрушило иерархию мироустройства, стремясь восстановить то, что казалось естественным порядком, профессионалами считались преимущественно особы духовного звания, юристы, медики и впоследствии военные. Остальные, как предполагалось, должны в поте лица своего есть хлеб свой. Профессионалы же не работают, а служат: они отдали себя своему делу и ничего не просят взамен.

В известной степени и сегодня профессионалы сохраняют в своем облике и манерах поведения некоторые черты, присущие традиционному (сословному или кастовому) корпоративному строю. Это качество – быть профессионалом – не наследуется и не является «приписываемым» статусом. Однако, вступая в довольно замкнутую систему явных и неявных профессиональных норм, обычаев и символов (в том числе жаргона и иных средств распознавания своих), человек принимает на себя некоторый обет отдавать им предпочтение перед внешними обстоятельствами. В этом отношении профессия – не что иное, как расколдованный аналог харизмы, благодатной способности свершать святые таинства, оставаясь при этом обычным человеком.

Подобная двойственность, с трудом воспринимаемая неискушенным в догматике мирянином, вполне естественна для этоса клирика: его харизматический дар нимало не теряет своей силы при впадении в грех, разумеется, если грешник не извергнут из сана. Пресвитеры и епископы – лишь предстоятели в церковной общине. Но бого-

¹ Батыгин Г.С. Профессионалы в расколдованном мире // Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Выпуск 3. Тюмень-Москва: Центр прикладной этики. Финансово-инвестиционная корпорация «Югра». 1995. С. 9-18.

служение открывает в них сакральную сторону, непостижимую для мира. Так и профессионалы: они не обладают никакими преимуществами по сравнению с профанами, но как только начинается воспроизводство знания, обнаруживается, что царство профессии – не от мира сего.

Профессиональное призвание клирика не является исключением. Его профессия обнаруживает избирательное сродство не только с наукой, медициной и юстицией – основными университетскими «хабилитациями», но и искусством, в том числе ремеслами. Профессия возникла из орденов и корпораций, а также цеховой организации производства, где членство в гильдии означало одновременно право на профессиональный успех при условии соблюдения кодекса сословной чести, в частности, «справедливой цены».

Современность внесла существенную коррективу в регламент воспризнания профессионала: начиная свою карьеру, он вынужден отныне осуществлять личный выбор из открывающихся возможностей и рационально оценивать жизненные перспективы и средства, которыми он располагает, чтобы добиться успеха. Средневековый подмастерье, как правило, не обладал возможностями выбора, поскольку был обязан наследовать дело своего отца или стать мастером после смерти наставника. Открыть свое дело в условиях господства профессиональных корпораций было практически невозможно. Исключение составляли маргиналы и авантюристы, среди которых В.Зомбарт особое значение придавал евреям – они заполняли ниши, связанные с обращением капитала.

В известной степени профессиональные корпорации представляют собой «суперструктуры» по отношению к социальной и культурной дифференциации. Эта их особенность была отмечена Г.Зиммелем, который писал о «республике ученых» в эпоху Ренессанса как о новом типе интеллектуального и духовного единства людей, принадлежащих к совершенно различным классам и сословиям средневекового общества. Вслед за Э.Дюркгеймом Зиммель рассматривал корпоративные профессиональные организации как универсальный механизм воспроизводства «общинности» – спасительную альтернативу растущему отчуждению и аномии, обусловленным специализацией и разделением труда. Такой подход несет на себе определенный отпечаток утопии, поскольку профессиональные структуры могут с полным основанием трактоваться как элемент рационально-

технической дифференциации общества. В этом отношении значительный эвристический потенциал включает веберовская концепция профессиональной бюрократии как административного аппарата, основанного на экспертизе. Предполагается, далее, что, несмотря на приверженность профессиональным ценностям, бюрократия может использовать экспертизу для достижения собственных «материальных» целей. Отсюда следует важное заключение о «неформальности» профессиональных норм в организациях, формальные структуры которых используются в частных целях. Так возникает конфликт между профессиональным долгом и склонностью к достижению успеха во внепрофессиональной сфере.

И в традиционном, и в современном обществах профессиональный успех обладает важной этической составляющей, ограничивающей его от успеха непрофессионального: профессия являет собой по преимуществу цель, а не средство и, тем самым, ее мотив приобретает характер категорического императива. Как только профессионал выходит на рынок, его победа на этом многоликом поприще становится поражением – здесь не любят автономии долга.

М. Вебер рассматривал процесс профессионализации как переход от традиционного социального порядка к современному типу общественного устройства, где статус индивида определяется рационально осмысленными целями его деятельности. Профессия, по Веберу, это радикальная форма спасения посредством принятия аскетического обета в расколдованном, лишенном харизмы мире. Профессионал также обещает соблюдать высокие требования своего ордена и нередко эта процедура приобретает форму торжественного ритуала. «Клятва Гиппократа», произносимая врачами, – лучший пример профессионального обетования. Служение чиновника и военного оформлено детально регламентированными чинами, званиями и знаками различия. Это указывает на преимущественно иерархическую организацию профессий в современном обществе, которая призвана обеспечить эшелонированный социальный контроль и корпоративную поддержку профессиональных ценностей в столкновении с расколдованным миром. Э. Дюркгейм в своем анализе профессий исходил именно из корпоративной природы профессиональных сообществ, функция которых – создавать солидарность между индивидами, разобщенными частными интересами. Дюркгейм указал также на высо-

кое предназначение профессии как надындивидуальной «высокой» солидарности.

Значительная роль, которая принадлежит профессиональным корпорациям в современном обществе, рассматривается (в частности, У.Эко) как свидетельство возрождения типичных для Средневековья сословно-коллегиальных структур, обеспечивающих нормативную регуляцию поведения. Эти структуры часто имеют неформальный характер по отношению к формальным организациям, в рамках которых они возникают. Профессионализм как этическое требование содержит в себе в значительной степени чуждые обществу универсальной конкуренции элементы «элитарного равенства». Термин «элитарное» в данном случае используется условно, поскольку профессионалы не имеют оснований считать себя элитой в том смысле, в котором современное общество создает рейтинги популярности и систему определения «первых». Элитарность означает, скорее, неприменимость стандартных измерений дохода, власти и престижа к внутренним профессиональным регуляторам.

С другой стороны, «равенство» посвященных отнюдь не равнозначно новоевропейской эгалитарности. Внутри профессиональной корпорации существуют иерархически организованные позиции и соответствующие ритуалы чинопочитания, которые делают профессиональное равенство совершенно нераспознаваемым для профанов. Равенство посвященных предполагает применение критерия внутренней экспертизы к каждому члену корпорации, без каких либо ссылок на статусные привилегии, несмотря на то, что они постоянно артикулируются. Например, С.Стауффер показал, что приказы и распоряжения, проходящие по формальным каналам в воинских частях и подразделениях эффективно выполняются лишь при условии неформального коллегиального взаимодействия. В противном случае используются механизмы имитации выполнения приказов. Таким образом, профессионализм создает своеобразную форму равенства – коллегиальность, отличающуюся от коллективности субординацией экспертов.

Т. Парсонс разработал развернутую теорию профессиональных ролей и статусов, основанную на трактовке профессии как формы господства. Господство вытекает из права обладающего знанием диктовать свою волю профану по рационально артикулированным правилам. Так, врач обладает властной прерогативой перед больным,

учитель осуществляет господство по отношению к ученику, и чиновник диктует стандарт поведения гражданину. В отличие от права сильного, господство профессионалов не имеет отношения к их личному волеизъявлению и ценностному освоению мира. Наоборот, профессиональные действия, в том числе властные, выполняются «для блага больного (ученика, гражданина, подсудимого)».

В 1968 г. Т. Парсонс и Н. Сторер указали на четыре особенности профессии как функционального элемента социальной организации. Во-первых, это ответственность за хранение, передачу и использование специализированной суммы знаний. «Именно обладание такими знаниями отличает профессионалов от “непосвященных” и это обладание, будучи продемонстрировано, получает название “Экспертизы”», – пишут авторы². Во-вторых, профессионалы обладают высокой автономией в области привлечения новых членов и контроля за их профессиональным поведением. Третья особенность профессии состоит в покровительстве со стороны общественного окружения, а также в охране от непрофессионального вмешательства. В-четвертых, профессионалы обладают контролем над вознаграждением и, если профессионал стремится заработать вознаграждение со стороны непрофессионалов, он испытывает соблазн изменить своей профессии³. Это относится преимущественно к «обслуживающим» профессиям, интегрированным в экономическую систему. Но и «чистые» профессии функционируют при условии налаженной системы обмена с обществом. В качестве вознаграждения здесь выступает профессиональное признание, предполагающее, в свою очередь, предоставление некоторых материальных благ.

Отмечая тенденцию к усилению коллегиальности в бюрократических организациях, Т.Парсонс связывал ее преимущественно с привлечением профессионалов в частный сектор экономики и правительственные учреждения. Он назвал это явление «профессиональным комплексом»⁴. Решающее различие между профессиональным и коммерческим отношением к делу заключается, по его мнению, в

² Парсонс Т., Сторер Н. Научная дисциплина и дифференциация науки /Пер. с англ. Л.А.Седова // Научная деятельность: структура и институты: Сборник переводов. М.: Прогресс, 1980. С. 28.

³ Там же. С. 29.

⁴ Parsons T. Politics and social structure. New York: Free Press, 1969. P. 505, 508.

том, что профессионалы стоят на позиции «моральной ответственности» и «когнитивной рациональности».

Неофункционалистские исследования показали, что в организациях, где профессиональные нормы высокоинституционализированы, складываются сильные защитные механизмы против выраженных «материалистических» интересов и даже формируются общие антиавторитарные установки. В контексте профессиональной коллегиальности артикулируются антиматериалистические ценностные стандарты и цели социальной политики⁵. В отличие от участников общественных движений, профессионалы создают новые социетальные ценности, вовсе не стремясь участвовать в общественной жизни, а только посредством рутинного воспроизводства этоса коллегиальности. Меритократические версии современной утопии опираются как раз на предположение об экстраполяции норм профессиональной коллегиальности на структуры господства и подчинения.

Этос коллегиальности, воспроизводимый профессионалами, вроде бы находится в конфликте с авторитарной природой политических институтов. Отчасти этим объясняется и кажущееся противостояние интеллектуалов и власти, нашедшее особенно драматическое выражение в «веховской» проблеме. Однако есть несомненная правда в утверждении, что право на экспертизу являет собой форму господства и противостояние профессионализма (с его коллегиальностью) и монархизма может оказаться и часто оказывается призрачным. М.Вебер, вероятно, не придавал значения этой контрверзе. В своем анализе исторических форм коллегиальности он исходил из распространенного в Европе со времен Римской империи равного права членов коллегии наложить вето на принимаемое решение. Таким образом, исключалось преобладание единоличного волеизъявления. Более современная форма профессиональной коллегиальности связывалась Вебером с анонимностью административного действия, которое является результатом совместной работы множества членов бюрократической организации и не зависит от частного мнения ни одного из них. В то же время наблюдается обратный процесс: коллегиальная профессиональная экспертиза превращается в средство политического действия и в силу своей инструментальности уступает место единоличному принятию решений бюрократическим лидером.

⁵ *Sciulli D.* Voluntary action as a distinct concept: Theoretical foundations of societal constitutionalism // *American Sociological Review*. 1986. Vol.90. P. 514-540.

Становление коллегиальных профессиональных структур в современном обществе основано на технической экспертизе, равенстве, консенсусе (участии всех членов организации в принятии решений), специализации. Коллегиальность определяется как доминирующая ориентация на консенсус, достигаемый членами организации экспертов, каждый из которых теоретически равен другому по уровню экспертизы, но специализирован в собственной области⁶.

Профессионал, в отличие от профана, руководствуется прежде всего требованиями технической рациональности и подчиняет свою волю императиву долга. Он не допускает никакой отсебятины – только выполняет предписания. Это делает его равнодушным ко всему, что выходит за рамки профессиональной оптики. Любитель, обладающий высокой квалификацией, отличается от профессионала тем, что вкладывает в свои занятия душу. А у профессионала душа отделена от тела. Например, профессионально подготовленному врачу никогда не придет в голову огорчаться по поводу поведения больного; судья выполняет свои многообещающие действия безотносительно к чувствам симпатии, либо ненависти, которые он может испытывать к обвиняемому. Профессионал – продавец демонстрирует доброжелательное внимание к привередничающему покупателю, хотя мысленно уже назвал его сволочью.

Поэтому профессионализм не обязательно соотносится с определенным социальным статусом, например, статусом высококвалифицированного специалиста. Профессионал может быть и недостаточно квалифицированным. Профессионализм – скорее модус независимости по отношению к миру, где уже все расколдовано и превращено в материал для дела.

Этику профессионала можно определить как этику должностной автономии. В бюрократически организованных системах образования и науки автономия поддерживается системой распределения доходов, предполагающей получение профессионалом жалованья за отправление должности. Прибыль, зависящая от умения приспособиться к вкусам покупателя, должна быть отстранена на второй план. Суть дела заключается в том, что прибыль и зарплата зарабатываются индивидуально, а жалованье выдается в качестве денежного, котлового и вещевого довольствия.

⁶ *Waters M.* Collegiality, Bureaucratization, and Professionalisation: A Weberian analysis // *America Journal of Sociology*. 1989. Vol. 94. No. 5. P. 956.

Служебный компонент с наибольшей отчетливостью явлен в чиновничестве (в том числе и военном), с наименьшей – в сфере торговли, всецело ориентированной на внешние запросы покупателя. Близко к «служебным» профессиям стоит работа врача, для которого считается неэтичным «делать деньги», хотя в Европе и Америке врач – одна из самых высокооплачиваемых профессий. Аналогичным образом не принято говорить о юристе, что он работает за деньги. Работа исследователя тоже совершенно автономна от меркантильных соображений. Все это означает одно: чиновник, врач, юрист и ученый работают хорошо вне зависимости от внешней оценки. В некоторых сферах деятельности, например, в науке, имеет значение даже форма получения вознаграждения – не индивидуальный заработок, а должностные оклады и ставки. В этом отношении профессия – анклав этики долга в мире борьбы всех против всех.

Независимость профессиональной позиции предполагает, что члены корпорации не могут рассматривать свою деятельность под углом зрения «найма», даже если соответствующий контракт действительно имеет место. Равным образом, профессионалы не должны проявлять личную заинтересованность, либо представлять интересы группы, как это делают политические лидеры. Нормы профессиональной экспертизы приобретают самодовлеющий универсальный характер.

Профессиональная этика существенным образом модифицирует тип карьеры, отличая его от обычного пути достижения жизненного успеха. Во-первых, карьера профессионала разделена – чаще всего институционально – на два этапа. Предварительный этап – «годы учения», необходимые не только для приобретения мастерства, но и для освоения дисциплинарных норм. «Экстернат» здесь неуместен, поскольку нормативная система профессионального сообщества (Р.Мертон показал это на примере сообщества ученых) амбивалентна: она содержит кроме норм, которые исполнять обязательно, нормы, которые исполнять не обязательно, а также нормы, которые обязательно не исполнять.

Такого рода нормативные системы не сводятся к артикулированным и, тем более, кодифицированным правилам, поскольку включают в себя правила нарушения правил. В определенной степени эти «отклонения» можно трактовать не как нарушения профессиональных норм, а как «рационализации» аутентичных профессиональным

стандартам планов действия. Иными словами, профессионал должен руководствоваться не столько артикулированными, сколько латентными нормами, чтобы быть полноправным членом «ордена». Все это обязан усвоить подмастерье за «годы учения» посредством самостоятельного домысливания того, о чем не принято говорить на официальных заседаниях коллегий.

Особенностью профессиональной карьеры является также регламент перехода от одной ее стадии к другой. «Годы учения» не заканчиваются по воле и желанию претендента. Здесь необходим ритуал, напоминающий судебную квалификацию деяния. Такова, например, процедура соискания ученой степени и другие формы «хабилитации» научного сотрудника и университетского преподавателя⁷. Смысл этих действий состоит в демонстрации полной беспристрастности членов профессионального сообщества.

Вторая специфическая черта профессиональной карьеры – защита достигнутого статуса. Непрофессионал выполняет определенную работу и играет соответствующие роли. Лишение статуса автоматически влечет лишение роли. Профессиональный статус обычно закрепляется званиями и регалиями, относительно независимыми от эпизодов карьеры и превратностей личной судьбы. Они обеспечивают серьезную защиту от «мирского» давления и независимость профессиональной экспертизы.

Т.Парсонс ввел в социологию науки принципиально важное различие внутренней и внешней экспертизы. Популярный врач, у которого отбоя нет от клиентов, с точки зрения внутренней профессиональной экспертизы может считаться неподготовленным. Успех, достигнутый вне профессиональных канонов, считается несущественным. Поэтому этическая автономия профессионалов приобретает корпоративный характер и оснащается эшелонированной системой защиты от внешней среды. Функции защиты выполняют кажущиеся открытыми и либеральными демократические институты, регулирующие деятельность профессиональных сообществ. В науке – это система ученых степеней и званий, в юстиции – ранги и звания, в чиновничестве – должности. Задача этих институтов – осуществлять внутреннюю профессиональную экспертизу.

⁷ *Parsons N., Platt J.* The American university. Cambridge: Harvard University Press, 1963. P.144.

Таким образом, класс профессионалов существует в той мере, в какой сохраняется корпоративная этика и соответствующие стандарты успеха. Профессиональный успех соотносится прежде всего с внутренней экспертизой: освоение знания и квалификации сопряжено с расширением области влияния в корпоративной среде и, как правило, влечет за собой рост жалования и статуса. Внешнее воспризнание является следствием «внутреннего». Если же успех достигается в профанной области, профессиональный успех дезавуируется. Например, исследователь, получивший высокий статус за заслуги перед политическим режимом, хорошо знает, что его реальный статус в «незримом колледже» снизился и поэтому возврат в профессиональную среду нежелателен. Вместе с тем, «служебные профессии» нередко ограничивают возможности материального потребления, ставят профессионалов перед альтернативой: профессиональное либо личное. Обладая значительной инерцией, профессионалы, как правило, обнаруживают неспособность к адаптации в условиях кризисного социального развития и разрушения социальной структуры общества.

Несомненно, профессия принадлежит к бюрократизированным социальным институтам и профессионал ценит не столько предоставляемые ей привилегии и вознаграждение, сколько свою посвященность в корпоративную «тайну». Ему много труднее сменить ремесло, найти лучшие условия оплаты труда. Отчасти это связано с завышенной самооценкой людей с высшим образованием, которые в России привыкли относиться к торгашеству несколько пренебрежительно.

Если переход из интеллектуальной профессии в «деловую» происходит успешно, вероятность достижения успеха более высока в группе людей с высшим образованием. Рыночные реформы в России поставили многих профессионалов перед дилеммой: работа или жизнь. Особенно это относится к науке, образованию или культуре – традиционно неприбыльным областям. Однако, сохранение позиций в профессиональных корпорациях должно рассматриваться сегодня как более значительный жизненный успех, чем высокие доходы.

